

28 марта 1980 г. № 26 [5346] ←

ленинской мыслью озарено

Перечитал все, что смог раздобыть в библиотеках. Отправился в архивы: Москва, Ленинград, Ульяновск, Астрахань, Казань, Горький... Поездки растянулись на годы. Работа над книгой «Александр Ульянов» вобрала почти десять лет жизни. Книга эта увидела свет в 1961 году в серии «Жизнь замечательных людей».

И я начал изучать материал, по сути, сначала, стремясь на этот раз воссоздать трагическую и героическую жизнь Александра Ульянова на широком историческом фоне. Рамки повествования определила сама история. Она подчас бывает удивительно выразительна по своим акцентам. Саше Ульянову было четыре дня, когда (4 апреля 1866 года) в царя Александра II стрелял Дмитрий Каракозов. Этот первый в истории России выстрел в царя эхом своим коснулся Ильи Николаевича Ульянова, который в свое время был учителем Каракозова, жил с ним в одном доме. Когда Каракозова арестовали, у многих его учителей был произведен обиск.

Итак, Каракозов первым выстрелил в царя. Он был учеником Ильи Николаевича Ульянова. А последнее поку-

СЧАСТЬЕ ПРИОБЩЕНИЯ

шение на «самодержца», уже на Александра III, подготовил сын Ильи Николаевича Ульянова — Александр. На этом исчерпала себя волна террора, поднятая партией «Народная воля». В этих исторических рамках и разворачивается действие дилогии «Ульяновы», первое издание которой появилось в 1967 году, к 50-летию Октября.

Всем известны слова, сказанные Владимиром Ильичем после казни брата, о том, что не таким путем нужно идти. Но широкий круг читателей вряд ли знает, что Александр Ульянов по многим кардинальным вопросам революционного движения стоял на позициях марксизма. Он читал «Капитал», незадолго до казни переводил Маркса на русский. В политической и экономической борьбе за перестройку общественного строя решающее значение он придавал рабочему классу. Отдавая дань террору, Александр Ульянов шел к марксизму. Эту эволюцию его взглядов я и стремился проследить.

Наша советская прозаическая Лениниана многонациональна. При всем своеобразии подхода к теме, к творчеству разных писателей в ней можно проследить

как бы два направления в освещении материала. Одни писатели, берясь за создание произведений о великом, любимом вожде, строжайшим образом сохраняют верность историческим фактам. Другие считают возможным появление среди подлинных героев и лиц вымышленных, то есть вводят в свой рассказ и события, рожденные творческим воображением. Оба эти подхода, на мой взгляд, правомерны. Но сам я раз и навсегда определил для себя непреложным законом строгое следование исторической правде. Для меня всему голова факты, факты. Разумеется, с обязательным условием — материал должен получить серьезную научную разработку, художественное преломление на страницах литературного произведения.

Хочу заметить: в архивах кроются не только факты, а и бесценные детали, без которых писателю-историку не обойтись. Трудно передать волнение, с которым берешь в руки подлинный документ, даже если уже знаком с его содержанием.

Работая над романом «Ульяновы», я постоянно возвращался к переписке замечательной, дружной семьи. Это неистощимый клад

размышлений, тем. Особенно много для понимания Ленина человека открывают письма Н. К. Крупской. Она часто писала матери Ленина, Марии Александровне, в ту пору, когда вместе с Владимиром Ильичем находилась в ссылке в Шушенском. В одном из писем, например, читаем о том, как Владимир Ильич ездил в Красноярск и там «...купил все, что следовало, и даже игрушки детям Проминского и сынишке вальщика Минне, живущему у нас во дворе. Мальчик лет пяти, часто у нас толчется. Утром, как узнал, что Володя приехал, схватил материнские сапоги и начал скорее одеваться. Мать спрашивает: «Ты куда?» — «Так Владимир Ильич приехал!» — «Ты помешаешь, не ходи...» — «О нет, В. Ил. меня любит!» (Володя действительно его любит). Когда же вчера ему дали коня, которого Володя привез ему из Красноярска, то он проникся к Володе такой нежностью, что даже не хотел идти домой спать...» Надо учесть, что Владимир Ильич с трудом добился разрешения съездить в Красноярск, у него, политического ссыльного, была там уйма важнейших дел. И все же Ленин в короткой напряжен-

ной поездке нашел время, чтобы доставить радость детям товарища по ссылке Проминского и Минне, сыну Кудума, бедняка-латыша.

Короткий эпизод, описанный Надеждой Константиновной, запал мне в душу. Я решил, что самое лучшее (хотя отнюдь не самое легкое) написать повесть, адресованную детям, и пропустить события через восприятие их активного участника — ребенка. Первоначально книга «не шла». И я отправился в Шушенское, где еще не бывал. Возвратился из Сибири и, не переводя дыхания, закончил повесть «Мальчик и жар-птица».

1887 год был особым в жизни молодого Ленина: недавняя смерть Ильи Николаевича, казнь Александра Ульянова... Семья переехала в Казань, Владимир Ильич стал студентом университета, но уже в декабре того же года был исключен из университета как один из организаторов студенческой сходки. Тюрма, ссылка в Кокушкино — первое боевое крещение Ленина, положившее начало его открытой революционной борьбе против царского самодержавия, борьбе за построение нового, социалистического общества. Эти события —

в центре моей повести «Студент университета». Книга «Утро гения» — о борьбе Ленина против народничества, о создании «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

И, наконец, только что завершенная повесть «Сестра Оля». Как вспоминает Анна Ильинична, дети в семье Ульяновых росли парами: Аня — Саша, Володя — Оля, Митя — Маняша. Близость Володи со старшим братом как бы продолжалась, наследовалась в трогательной и мужественной дружбе Володи с Олей.

Ленинская тема продолжается в моей песне «Первые баррикады». Молодежь, которой предназначаю пьесу, узнает из нее о становлении революционного сознания, революционного характера Володи Ульянова.

Каких усилий ни будет стоить писательский труд, обернутся они ни с чем не сравнимым счастьем. Счастьем приобщения к сокровищнице ленинской мысли, к великой судьбе Человека, чья воля и прозорливость питают свершения наших дней.

Владимир КАНИВЕЦ,
КИЕВ.